

УДК 008.316.42

С.Г. Джафарова

АРИАДНИНА НИТЬ РЕНЕССАНСА И ФИЛОСОФ ВЯЧЕСЛАВ ШЕСТАКОВ (НАБРОСОК К ПОРТРЕТУ)

Сегодня все чаще слышишь, как в качестве наивысшей оценки творческого человека, реализовавшего свои разносторонние интересы, употребляется определение «ренессансный». Так, например, актриса Лия Ахиджакова назвала «ренессансной личностью» известного режиссера и актера Олега Табакова в одной из телепередач на канале «Культура», посвященной его юбилею. Согласно документам, Леонардо да Винчи при знакомстве представлялся как художник, инженер и архитектор одновременно. Как любая незаурядная личность, Табаков многогранен по-своему. А как более точно оценить направленность синтетических занятий художников русского авангарда – и живописью, и архитектурой, и театром, и костюмом, и книгой, и плакатом, и фарфором, и художественным образованием, и музейным строительством, – не употребив столь емкого слова? И таким образом перебросить мостик от одной великой эпохи к другой, пусть и короткой, но насыщенной столь потрясающими открытиями. Именно это достойное и содержательное слово «ренессансный» очень хочется использовать для определения характера и образа жизни нашего современника – Вячеслава Павловича Шестакова, ученого, известного специалиста в области эстетики, теории и истории культуры, доктора философских наук.

Правда, тут же возникает опасность подвергнуться иронии самого Вячеслава Павловича, который посвятил многие годы исследованию именно эпохи Ренессанса. Хорошо известны его книги «Философия и культура эпохи Возрождения. Расцвет Европы», «Эстетика Ренессанса», «Шекспир и итальянский гуманизм». И я точно знаю, как он всегда щепетилен в перенесении этого понятия на явления культуры других времен, а уж, тем более, советского и постсоветского периодов. Дело в том, что однажды я была свидетелем его возмущенной тирады в адрес нашей коллеги, попытавшейся определить некоторые события отечественной культуры 70–80-х гг.

прошлого века как ренессансные. Мне было понятно, какой пафос она вкладывала в рассуждения и тем самым хотела показать гуманистическую уникальность и жизнеспособность этого материала на мировой художественной сцене (до сих пор досадно недооцененного).

Признаюсь, я разделяю идею относить позитивных и созидательных людей к категории «ренессансных»; более того, я рада, что они еще встречаются, и, наблюдая многие годы за Вячеславом Павловичем, предлагаю рассматривать и его в этой же «номинации». Он по-своему органично следует просветительским идеалам эпохи. Наверное, этим можно объяснить и его работу в редакции «Большой советской энциклопедии», которой он отдал силы исследователя и природную способность к проникновению в историческую материю, созвучную его внутреннему складу. То есть, образно говоря, ему удалось создать собственный «Ренессанс» в границах одной, отдельно взятой линии жизни. Ведь вертикальная тема культуры «Ренессанс и ренессансы» продолжается, принимая разные формы. В нашем случае, сила и магия материала начинают определять личность мыслителя, и в случае Ренессанса – это разговор о высоком предназначении и высоких результатах.

Патетичность сказанного, поверьте, – это лишь словесное пояснение, предваряющее общественную благодарность, которая обязательно материализуется в ближайшем будущем. Благодарность должна настигнуть Вячеслава Павловича неминуемо за тот объем изданных им нужных всем книг, за его нестигаемую волю к новизне и доведению всех своих начинаний до успешного завершения, несмотря на объективные исторические трудности по поиску финансирования и издательств, готовых взяться за столь ответственную работу. За прочитанные им лекции и проведенные семинары в разных институтах у нас и за рубежом, где он по-королевски делится своими знаниями. За поступательность появления необходимых всем публикаций в серии «Памятники философской мысли» или в первом сборнике «Утопия и антиутопия XX века». За правильную постановку наболевших «русских» вопросов в книгах «Эсхатология и утопия. Очерки русской философии и культуры» (1995) и «Русский Эрос, как философия любви в России» (1991). За развитие англо-русских культурных связей, устанавливаемым благодаря его различным книгам, в которых присутствует английская тема. Это и очаровательные миниатюрные сборники его переводов стихотворений У.Х. Одена «Лабиринт» (2003) и Чарльза Коусли «Я – солнце большое» (2006), и «Прерафаэлиты: мечты о красоте» (2004), и «Гиллрей и другие... Золотой век английской карикатуры» (2004), и «Интеллектуальная история Кембриджа» (2004), и «Русские в британских университетах» (2009), и прекрасно иллюстрированная «История английского искусства». Последняя книга отразила многолетние интересы Вячеслава Павловича ко всему английскому: от наблюдений за национальным характером, сложившихся за время многочисленных путешествий по Великобритании, через анализ наиболее ярких художественных проявлений в искусстве от Средних веков до поп-арта и Люсьена Фрейда. За помощь в подготовке полноценных специалистов и направление научных поисков многочисленных диссертантов. За спортивность и европейский облик, который заставляет всех окружающих подтягиваться за ним уже четыре десятка лет.

Как-то неудобно подвергать пересказу в краткой форме мысли и выводы, к которым приходит Вячеслав Павлович. Лучше взять в руки и прочитать эти приятно и с толком оформленные книжные «организмы». Благодаря личному интересу автора к тому или иному философу, художнику, поэту или целому историческому периоду, явлению или предмету. Объем каждой книги обычно соразмерен и гармоничен теме, глубине и прозрачности анализа, четкому отбору явлений, необходимых для создания той или иной картины идей или смыслов, привычке к легкому оперированию и сопоставлению широчайшего материала от античности до наших дней. Вероятно поэтому его работы поражают ощущением законченности, и достигается это не избытком, а качеством продумывания информации.

А пока до настоящей благодарности дело не дошло, мы можем даром пользоваться тем, что для нас уже сделал и продолжает делать Вячеслав Павлович. Как прирожденный преподаватель и глава своей маленькой философской академии, где по примеру его любимых итальянцев можно с достоинством обсудить последние исследовательские соображения в форме конференции, круглого стола или простого заседания сектора теории искусств. Он как тонкий медиум улавливает темы для наших конференций и издает потом сборники, которые полностью отвечают синтетической задаче актуальной культурологии, при этом сохраняя интересы специальности каждого представленного автора – философа, литературоведа, музыковеда, историка искусств. Эта идея хорошо прослеживается в составленных им сборниках «Феноменология смеха. Карикатура, пародия, гротеск в современной культуре» (2002), «Катарсис. Метаморфозы трагического сознания» (2007). Готовится к изданию сборник, посвященный теме путешествия в культуре.

Я знакома с трудами Вячеслава Павловича со студенческой скамьи. Нашей группе отделения истории и теории искусств истфака МГУ им. М.В. Ломоносова повезло. Курс истории эстетических учений нам читал в 1974–1975 гг. именно он. Элегантный, загорелый, одетый в английский пиджак в мелкую клеточку, в отличной спортивной форме, он строго, внятно и ясно формулировал основные идеи огромного пласта человеческой мысли, выделяя самое главное, что касалось искусства и критериев его оценки от Гесиода, Пифагора, Демокрита, Сократа, Платона до Джона Локка, Давида Юма и Хоггарта. Он цитировал тексты, давая почувствовать своеобразие автора. Цитировал на языках подлинника, что вселяло необыкновенное уважение. Все можно было успеть записать и потом подготовиться к экзамену, следуя этим записям, что было особенно важно в эпоху отсутствия толковых учебников. Материал легко запоминался, навсегда. А если вдруг в дальнейшем возникала надобность что-то вспомнить, то тетрадка опять оказывалась очень удобной. Эта тетрадка с лекциями хранится у меня до сих пор, ею пользуется мой сын, ему этот предмет уже так в МГУ не читают. На обложке тетрадки сохранился портрет-знак Вячеслава Павловича, составленный из первых букв его имени, отчества и фамилии. Горизонтально положенная большая буква «В» выпуклой частью вниз изображала крупные модные очки, которые носил лектор. Маленькая буква «П», перевернутая крышечкой вниз, изображала нос, а буква «Ш» изображала мощный, твердый подбородок с мужественной ложбинкой посередине. Придумал этот портрет наш

остроумный соученик, который сейчас занимает высокий государственный пост. Тогда казалось очень похоже, стильно и выразительно. Больше никто из преподавателей такой внешностью не обладал, а портрет нашего философа оказался лаконичнее и убедительнее, чем у художницы русского авангарда Любови Поповой в 1914 г. (там буквы тоже включались в изображение). Но, безусловно, самым интересным было то, что он был учеником В.Ф. Асмуса по университету, имел самостоятельные суждения по оценке Возрождения в диалоге с А.Ф. Лосевым, активно жил в гуще всех последних достижений отечественных и европейских мыслителей.

В жанре «человеческого отклика», который мне был предложен редакцией журнала, важно отметить о современнике такого масштаба следующее.

Вячеслав Павлович находится в постоянном стремительном движении, и все, что ему интересно, превращает в публикации, как настоящий проповедник, готовый немедленно поделиться своим новым знанием. Следование же завету «в здоровом теле...» также доведено до высоких спортивных результатов, подкрепленных документально, и стало главным условием его творческой бодрости. Непрерывное занятие спортом: в молодости – подводным плаванием и до сегодняшнего времени – теннисом, логически привели к интересу по истории спорта и его связям с культурой. В начале 2000-х гг. появились две увлекательнейшие и с любовью проиллюстрированные книги «История тенниса. От игры королей до королей игры» (2000) и «В раю мы будем в мяч играть. Литературная антология тенниса» (2002).

Интересно, что те узкие области, в которых Шестаков сыграл пионерскую роль (например, работы, посвященные исторической памяти) требуют отдельного внимательного прочтения в контексте появившихся интересов более поздних исследований. Ценность его первоначального видения любой проблемы сохраняется по сей день. «Неустаревание» написанного – характерная черта научных работ Вячеслава Павловича. Он часто идет на публикацию отложенного текста, снабжая его небольшими доработками. Это он продемонстрировал, например, отложив на четверть века публикацию своего труда по эстетике Возрождения, уступив пальму первенства Лосеву. Даже знакомство с фантастически продуктивной творческой биографией Вячеслава Павловича облегчена им самим и превращена в увлекательные живые воспоминания. В 2008 г. опубликовал небольшую книгу «А прошлое ясней, ясней, ясней: воспоминания шестидесятника» – автобиографию, как историю своих научных занятий, воспоминания о встречах, путешествиях, важных наблюдениях. И, главное, он делится опытом своей жизни на фоне истории нашей страны. В 2010 г. составил перечень своих трудов в серии «Ученые РГГУ», насчитывающий двести семьдесят названий книг и статей и пронизанный нитями его постоянных интересов и тем, подтверждающих его первоначальный выбор.

Новые темы угадываются им из воздуха Времени. Что-то особенно актуальное и недосказанное, не проясненное до конца другими, он увидел в каком-то объявлении за границей со словом «катарсис». Так родился замысел темы конференции и сборника в нашем институте –

«Катарсис. Метаморфозы трагического сознания» (2006–2007). Раздвижение границ, оригинальность и новизна сказывается во многих начинаниях Шестакова: от первых публикаций забытых текстов в книге «Утопия и антиутопия XX века» (1990) до идеи проведения своего юбилея в обновленном и только отреставрированном нижнем этаже здания нашего института. Напомню, что Российский институт культурологии занимает одно из старейших гражданских зданий Москвы, которое расположено на Берсеневской набережной. Этот дом, известный как палаты думного дьяка Аверкия Кириллова, является уникальным памятником архитектуры XVI–XVII вв. Впервые за много лет, в дни юбилея Вячеслава Павловича, институт на высоком светском уровне принимал гостей, которые сразу оценили установившуюся благодаря нему, непринужденную атмосферу. Во многом этому способствовала и выставка книг, написанных Вячеславом Павловичем. В белых сводчатых залах горели свечи, звучала подобранная по вкусу юбиляра живая музыка, предлагалось, по-московски щедрое, угощение. Оригинальное решение такого события как день рождения (опасного возможностью превратиться во что-то скучное и обыденное) также свидетельствует о молодости шестидесятника, который показал в этот вечер вместе со своей супругой Леной еще и высокий класс рок-н-ролла. В результате юбилей превратился в эстетическое событие жизни нашей культуры.

Интересно, что нежелание отказываться от любимой им эстетики прозвучало и в его выступлении на Культурологическом конгрессе в Санкт-Петербурге (октябрь 2010 г.). Главная идея этого выступления прозвучала в эссе «Преждевременные похороны эстетики», которое стало заключением юбилейной автобиографической статьи «Биография как библиография», – новая постановка назревшей проблемы соседства в едином культурном поле изобразительного искусства или актуального творчества. Вячеслав Павлович, как ему это свойственно, опять уловил что-то нужное для всех.

© Джафарова С.Г., 2010

Статья поступила в редакцию 28 октября 2010 года

Джафарова Светлана Георгиевна,

научный сотрудник Сектора теории искусств

Российского института культурологии (Москва)

e-mail: sdzhafarova@mail.ru

С 008.316.42

S. Jafarova

**ARIADNE'S CLEW OF THE RENAISSANCE
AND PHILOSOPHER VYACHESLAV SHESTAKOV, A PORTRAIT IN OUTLINE**